

пив его подземными ходами и окопами». То же в древнерусском тексте: «И тако сущю твердо граду тому, Иосиф боле утверди: създания и трубы, и пещеры устрои, како бы лзе землею ходити». Кн. V, гл. I, ч. 6: «И теми постройками из неблагочестиво добытого материала одолеть надеялся он врагов, но бог щетным его труд показал, прежде чем стать кому-либо на башни, приведа римлян». То же в древнерусском тексте: «И тем беззаконным строением уповаше победити враги, бог же труд его суетен показа и приведе Тита с римляны прежде начатия боя».

В приведенных примерах заметно стремление переводчика конкретизировать изложение событий. Это можно подтвердить и еще более яркими образцами. Кн. IV, гл. VIII, ч. 1: «В то время в галльском стало известно двужени и, где Виндеко вместе с туземными владетелями отложился от Нерона, о чем более точно другими написано». Ср. в древнерусском тексте: «И тогда приде вестник Еуспасиану о галатийсте воздвижении, како Уиндикс преврати к себе властелины, и заратишася с Нероном». К Веспасиану приходит конкретное лицо — вестник; Виндекс привлекает на свою сторону вельмож, и потом они уже все вместе встают против Нерона.

Еще: кн. VII, гл. II, ч. 1: «[Веспасиан] из Ионии направился в Элладу, а оттуда, от Ксркиры в мысу Еапигии, откуда уже по суше продолжал свое путешествие». Ср. в древнерусском: «И от Ону преплы к Еладе и оттуда к Керкиру, а потом ко Агипиа. И ту вошед из огар, и нача на коних путешествиевати». Здесь все совершенно конкретно; переводчик видит перед собой изображаемые события и действия описываемых лиц: Веспасиан, приплыв к берегам Италии, высаживается из гребных судов, доставивших его туда, и далее совершает свой путь уже верхом на конях.

Таким образом, творческая инициатива переводчика сказалась не только в сокращениях и добавлениях, но и в полной стилистической переработке всего текста «Истории», в превращении ее из собственно исторического произведения в поэтическую повесть. Особенно отчетливо это проявляется в описаниях картин боя, здесь переводчик чувствует себя вполне в своей стихии, нераздельным хозяином изображаемого материала. Вот описание боя иудеев с римлянами во время осады Иотапати: кн. III, гл. VII, ч. 4: «И наутриа, вышедше на римляны велми крепле, обретоша же ся противни крепльше их. До пятого дьне бишася. (И бысть видети дом копиинныи, скрежетание мечное, и щиты ископаны, и мужи носими, и землю напоиша кровию). А ни иудеи римлян устрашивахуся, ни римляне трудяхуся, зряще твердости града». Словам, взятым в скобки, нет соответствия в греческом.

В другом месте (кн. VI, гл. II, ч. 8) читаем: «Римляне же, очютивше пришествие их, притекша скоро и възбраниша им преити обрытие, и въставиша крепку сечю и много храбрьство показаша межи собою зане римляне сильнейше и искуснейше на рати суть, иудеи же, не щадаше себе, прярившееся (акы слепи) скакаху, ищуще сечения, да тем избавятся от лютаго мучителя, глада. Воевода же биста имъ: иудеом нужна и алчьба, а римляном срам, аще попустять иудеи на ся, акы от сетии (от тенета)». Слова, взятые в скобки, и в данном случае внесены древнерусским переводчиком. Мы можем заметить, что именно они придают всему рассказу яркую и конкретную образность.

Описания боевых столкновений всегда носят эпический характер; так, например, кн. V, гл. VII, ч. 3: «Ни едины же длъго гоняху, но мало побегываше, възвращахутся и, гоняще, и скоро побегняху». В греческом здесь стоит только: οὐδέτερος οὐτε φυγῆς, οὐτε δεωξέως μῆκος εἶναι, т. е. «ни для одной стороны ни бегство, ни преследование не были постоянными». Или: кн. V, гл. XI, ч. 6: «И снемшимся полком, прах